

Ольга Игоревна Северская

Россия, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Социолингвистическая поэтика: теория, диктуемая практикой

Ключевые слова: социолингвистика, лингвистическая поэтика, поэтический язык, идиолект, социолект, поэтическое койне

Key words: sociolinguistics, linguistic poetics, poetic language, idiolect, sociolect, poetic Koine

Abstract

The author proposes to apply a sociolinguistic approach to the study of poetic language. Poetic language is defined as socially determined and socially differentiated. The article discusses poetic idiolects and micro- and macro- sociolects, i.e. the languages of poetic schools, regiolects, and poetic Koine.

Рубеж XX–XXI вв. отличает социализация буквально всех сфер жизни, и этому способствуют глобализация, развитие всемирной паутины и разного рода социальных сетей. Поэтому все чаще звучат призывы к изучению человека и его креативных, в том числе и литературных, стратегий в проекции на социальные связи – с другими людьми, малыми социальными группами, обществом в целом [Прохорова 2009], к сближению и взаимопроникновению социологии и филологического круга дисциплин, например, в противопоставлении микро- и макроуровней, индивидуального и коллективного, национального и вненационального [Культурные коды 2006; Платт 2010], и к выработке соответствующего теоретического инструментария.

Поэтика, или в классическом определении Р. О. Якобсона, «лингвистическое исследование поэтической функции вербальных сообщений в целом и поэзии в частности», чьим предметом становятся «превращение речи в поэтическое произведение и система приемов, благодаря которым это превращение совершается» [Якобсон 1987: 81], реагирует на эти вызовы времени и пытается осмыслить новые формы социализации поэзии. Все чаще лингвистическая поэтика интуитивно сближается с социолингвистикой, следуя в этом прозвучавшим в начале XX в., но получившим свое развитие лишь в его конце

идеям Ю. Н. Тынянова о социальной функции литературы [Тынянов 1977: 276–279] и тезисам В. В. Виноградова и Р. О. Якобсона о необходимости создания поэтической «социальной диалектологии» [Виноградов 1980: 240; Якобсон 1987: 273].

Во-первых, поэтика заимствует у социолингвистики для обозначения индивидуально-авторской поэтической системы термин *идиолект* и вводит в оборот его терминологическую пару – *идиостиль*, для определения особенностей реализации системы в текстах [Григорьев 1979]. *Идиолект* обычно определяется как «поэтический язык, в котором вербализовано индивидуально-художественное мышление о мире» [Ревзина 1998: 23], а в системе идиолекта выделяются коммуникативная, тематическая и вербальная составляющие [Ревзина 1998: 35], отражающие, соответственно, «позицию субъекта по отношению к воплощаемому миру и его идентификацию как участника акта коммуникации» [Ревзина 1998: 36], «внеязыковой универсум, подвергающийся рассмотрению в модусе собственно языкового существования» [Ревзина 1998: 39], индивидуально-авторский словарь (тезаурус) и представляющая его структурно-семантическая карта текста [Ревзина 1998: 40–42]. А *идиостиль* рассматривается как «функция, которая соотносит принимающий различные состояния язык с соответствующим определенному состоянию языка возможным миром» [Золян 1989: 258], т. е. структура *идиолекта*.

Во-вторых, поэтический язык изучается в сравнении с другими языковыми подсистемами, в частности, с языком науки – как в целом [Григорьев, Северская 1989], так и с языками конкретных наук, например, философии [Азарова 2010], а также с современным интеллигентским дискурсом [Северская 2011].

В-третьих, все чаще поднимается вопрос о возможности определения групповых форм поэтического языкового сознания и лингвопоэтических норм, выявляемых на основе интеридиолектного и интеридиостилевого анализа (например, норм культурно-исторических эпох [Бабенко 1980] или исторических периодов [Осипов 2004]). Соответственно, ведутся поиски адекватной этим задачам терминологии.

В научной литературе последнего времени для обозначения некоего группового языка предлагаются термины «коллективный идиолект» и «типичная языковая личность». В первом случае речь идет о «языке тесного сообщества», который представляет собой своеобразную подсистему национального поэтического языка определенного времени, отвечающую критерию опознаваемости авторства, но авторства коллективного [Азарова 2010: 191, 799]. Во втором – об определенной социальной группе как «обобщенном языковом субъекте», чей дискурс является инвариантом совокупности индивидуальных текстовых его реализаций [Чабаненко 2007: 4]. Как представляется, правильнее было бы говорить о *поэтическом социолекте* и соответствующем ему *типе*

языковой личности, поскольку творческие объединения вполне отвечают определению малых социальных групп, принятому в социолингвистике¹. Более того, можно допустить, что поэтический язык, как и национальный, с которым он соотносится, представляет собой социально обусловленное и дифференцированное образование, совокупность вариантов языка, как индивидуальных, так и групповых.

Заметим, что писательские языки уже попадали в сферу внимания классической социолингвистики: их как аналог профессиональных языков определенных групп, поддерживающих свою исключительность, рассматривал, например, Дж. Гамперц [Гамперц 1975: 194]², возможно, следуя Ш. Балли, по мнению которого литератор четко осознает себя принадлежащим к определенной социальной группе, к которой его безошибочно относит и общество [Балли 2009: 254]³. Как *социолект* представляет социально и исторически обусловленный «тип письма» (способ знакового закрепления определенных социокультурных представлений) Р. Барт [Барт 1994: 527]. Это не противоречит определению Р. Макдэвидом *социального диалекта* как языкового и речевого варианта, который благодаря действию определенных общественных сил является характерным для определенной группы или групп индивидуумов [Макдэвид 1975: 365]. Таким образом, *поэтическим социолектом* можно назвать социально и исторически обусловленный вариант поэтического языка, сложившийся и используемый в некоем литературном сообществе и представляющий определенные типы автора, коммуникации и норм языкового выражения представлений о мире, как действительном, так и возможном, творимом текстом.

Это позволит установить связь поэтико-языковых феноменов микро- и макроуровней: в ведении *микросоциопэтики* окажутся *идиолекты* и *языки поэтических школ*⁴, предметом же *макросоциопэтики* станут феномены,

¹ Ср. определение Л. П. Крысина: «Малая социальная группа – та группа, члены которой объединены общей деятельностью и находятся в непосредственном личном контакте, что является основой для возникновения как эмоциональных отношений внутри группы, так и особых групповых ценностей и норм поведения» [Крысин 2004: 476].

² В поэтике на это обращал внимание М. М. Бахтин: «язык писателя [...] может быть воспринят как профессиональный жаргон наряду с другими профессиональными жаргонными» [Бахтин 1975: 84].

³ О литературе как особом социальном «поле деятельности», агентами которого становятся не авторы, а писатели, признанные таковыми обществом, говорит и П. Бурдьё [Бурдьё 2000].

⁴ О. Г. Ревзина, напротив, называет систему идиолекта макроединицей общепозитического языка, но при этом относит к микроуровню структурные единицы конкретных поэтических текстов [Ревзина 1998: 23, 70]. Однако традиционное социолингвистическое рассмотрение языков индивидуальных и функционирующих в малых социумах как микроуровневых, а языков достаточно больших социальных групп, например, социальных слоев, региональных, этнических сообществ и т. п., как макроуровневых явлений представляется терминологически более удачным.

вычленяемые на уровне межгрупповой интеракции: *языки поколений*, а также *региональные* и универсально-языковые, *внеэтнические* варианты поэтической речи. По сути, речь в данном случае идет об уровнях анализа. Не случайно еще в начале XX в. Г. О. Винокур подчеркивал связь в «поэтических фактах» индивидуального и социального:

Говорение есть индивидуальный творческий, волевой акт. Но несколько таких актов уже не сумма индивидуальных актов только, а их система, обладающая в свою очередь общеобязательной значимостью, смыслом, хотя бы и в узких, но все же социальных пределах. Такая система поэтических говорений и есть, собственно, действительный предмет поэтики, [...] задача поэтики состоит также и в том, чтобы проследить, как индивидуальное говорение превращается в элемент новой «нормальной» системы, покрывающей собою систему обычных языковых норм [Винокур 1923: 111].

Социальное же, по мысли В. В. Виноградова, ищется в индивидуальном через раскрытие структурных оболочек языковой личности – их образует «множество языковых контекстов, [...] то как бы включенных один в другой, то пересекающихся по разным плоскостям» [Виноградов 1980: 91], при этом восстанавливается «норма форм», а также «формы и приемы индивидуальных отклонений от языка системы коллектива или в их воздействиях на эту систему, или в их своеобразиях, в их принципиальных основах, вскрывающих творческую природу речи» [Виноградов 1980: 91].

Поскольку *идиолекты* и *идиостили* уже хорошо изучены и методология их исследования в целом определена [Золян 1989; Ревзина 1998]⁵, обратимся к *социолектам* разной степени общности.

Язык поэтической школы формируется в малой литературной группе, которая воспринимается как референтная в диалоге «своего» и «чужого». Говоря о референтных (ценностно-значимых) малых социальных группах, Л. П. Крысин замечает:

[...] в рамках именно этих малых коллективов складываются такие формы речи, которые позволяют говорить о специфике речевого поведения человека при внутригрупповом общении, в отличие от его же поведения вне группы: общность языковых средств и сходство правил их использования, [...] приверженность к определенным речевым шаблонам, известная конформность речевого поведения,

⁵ Можно упомянуть и разные подходы к классификации идиолектов и идиостилей. В. П. Григорьев [Григорьев 1979; 1983] различает в индивидуально-авторских языковых системах сложный, классический и беллетристический стили. Ю. С. Степанов [Степанов 1985] классифицирует идиолекты и языки школ и направлений по их принадлежности к номинативной, предикативной и прагматической культурно-языковым парадигмам. Е. А. Некрасова [Некрасова 1990] предпочитает говорить о денотативной и коннотативной их ориентации, подразделяя коннотативные типы систем на парадигматически и синтагматически организованные и ассоциативно-назывательные.

т. е. следование тем его нормам, которые приняты в данной группе и могут отвергаться иными социальными общностями [Крысин 2004: 478].

По выражению одного из современных поэтов, В. Аристова, школа – это самоструктурирующееся объединение, которое формируется не столько рядом людей, сколько рядом идей – не «политических», маркированных идеологией, а поэтических, обнаруживающих особый тип словесного мышления [Аристов 1997: 52]. Как правило, поэты действительно ощущают свою принадлежность к определенному «цеху», о чем свидетельствуют их творческие «манифесты» – неважно, пишутся ли они от имени всей группы или индивидуально. Свою роль в формировании малой группы играет и литературная критика. Так, например, одна из ведущих современных российских поэтических школ, школа метареализма (метаметафоризма) вначале получила свое определение в статьях и выступлениях К. Кедрова [Кедров 1984; 1989] и М. Эпштейна [Эпштейн 1988], впоследствии же очерченный ими узкий круг поэтов (А. Еременко, И. Жданов, А. Парщиков) был расширен как критиками, так и самими «столпами» метареализма за счет привлечения «единомышленников» и приверженцев того же творческого почерка (в ближний круг вошли И. Кутик, А. Драгомощенко, С. Соловьев, В. Аристов, Е. Даенин). При всем многообразии индивидуальных форм выражения, метареалисты демонстрируют приверженность одной философии языка [Северская 2007: 39–53] и одним и тем же константам поэтического мира, соотносимым со словами-символами *язык, речь, слово, текст, мир, пространство, время, пустота (вакуум), пробел, число, море, река, ветер, камень, сон* [Северская 2007: 53–65] и др. Общим для них является и сопоставление «вещей» и слов, формирующих взаимообратимые тексты и метатексты, осмысление оппозиций реального мира как лингвистических, а денотативных связей как семантических, реализующихся в сходных означающих на всех языковых уровнях. В тропике, поверхностных и глубинных синтаксических структурах, фонике и морфемике обнаруживается одна и та же текстообразующая закономерность: вначале дается прямое указание на референт, затем – на денотативное пространство, привлеченное к интерпретации, на семантическое поле, определяющее направление «вывода» образа второго порядка, параллельно включается «звуковая память» текста, отсылающая как к системе языка, так и к системе текстов самого автора и тех, кого он склонен цитировать. Что касается коммуникативной составляющей социолекта метареалистов, то здесь следует отметить значимое отсутствие лирических «я» и «ты», это – всего лишь прагматические переменные, что ярко проявляется в одном из текстов А. Драгомощенко, где прагматика и дейксис выходят на первый план:

«Я»
 «Здесь»
 «Сейчас»
 «Ты»
 «Там»
 «Тогда»
 вероятный процесс
 извлечения себя
 из языка
 извлекаемого из себя [...]

Заметим, что в системе современного русского поэтического языка метареализм образует один из стиливых полюсов наряду с концептуализмом (В. Некрасов, Д. А. Пригов, Л. Рубинштейн, Т. Кибиров) и иронической поэзией (В. Друк, Н. Искренко, Ю. Арабов, Т. Щербина), также обладающими собственными социолектами. Вместе с тем, в языках этих групп, а также во многих других индивидуально-авторских системах того же времени возникновения и функционирования можно обнаружить немало общего, что позволяет предположить наличие социолекта макроуровня, свойственного определенному поэтическому поколению.

В социокультурном аспекте поколение – это группа людей, родившихся примерно в одно время и имеющих одинаковый исторический опыт или общее «поколенческое переживание» [Kamińska 2007]. В лингвистическом плане появление нового поколения манифестирует языковой сдвиг, под которым обычно понимается [Вахтин, Головки 2004: 111] отказ от использования старого языка и переход на новый, характерный для некоторой языковой общности. О языковом сдвиге можно говорить тогда, когда число носителей нового социолекта становится значительным, сам социолект воспроизводится, а его носители испытывают давление со стороны других общественных групп и средств массовой информации. В 1980-е гг. новаторская русская поэзия и ее подход к языку действительно вызвали бурные дискуссии [Поэзия 1988], а сами поэты ощущали свою оппозиционность, как, например, А. Парщиков: «Ветер времени раскручивает меня и ставит поперек потока». В его книге эссе *Рай медленного огня* мы найдем и свидетельства о конфликтах литературных «отцов» и «детей», и описание «поколенческого переживания», консолидировавшего новую поэзию: «Застой обернулся стоп-кадром, внутри которого можно было производить замеры и пристально рассматривать заколдованные стихии» [Парщиков 2006: 24], а также близкую ему поэтическую школу:

Метареалисты играли тождествами [в отличие от концептуалистов, ориентированных, по его мнению, на тавтологию. – О. С.] [...]. Прием сопоставления одних и тех же вещей в ложном и «правильном» значении [...] высвобождал энергию внутренней формы и вызывал катарсический эффект [Парщиков 2006: 29–30].

В социально-речевом портрете национального поэтического поколения 1980–2000-х гг. [Северская 2008] уже отмечались такие черты, как использование научных терминов и приверженность общенаучному жаргону (ср. у Т. Кибирова: «Мы говорим не *дискурс*, а *дискурсы*») и разным формам сленга (ср. у А. Парщикова: «Мы ощутили, а может, *догнали* потом – нами прошла расширяющаяся ось»), использование иноязычных вкраплений (стереотипных, как у С. Соловьева: «*It's a pity*, / Я вас плохо понимаю. – Я тоже. – Митя. – *Nice to meet you*. / Леша», или свидетельствующих о соответствующей языковой компетенции поэта-билингва, как у А. Драгомощенко, свободно переходящего – без потери смысла – с русского на украинский, а затем и на английский: «Я вижу пролив, изрезанный облаками. [...] *A там де вітер грає – шуляк стогне. All difference we'll get in the stone*») и эксперименты с формой иноязычного слова (например, у Ю. Арабова: «Чье-то хилое *body* делает *building*»), владение речевыми и ситуационными стереотипами (ср. формульные высказывания у Л. Рубинштейна: «О чем вы, *если не секрет?* [...] Ну все. *Пока. Я позвоню*»; «обмен позывными» у Н. Искренко: «*Пестик Пестик Я Тычинка*»), каламбуры и языковая игра с фразеологизмами, социальными идиомами, прецедентными высказываниями, моделями текстов (например, кроссвордов, sudoku, тестов), прямые обращения к читателю и «прагматические инструкции» (у С. Гандлевского: «Бог с этой мудростью, *мой призрачный читатель!*»; у Е. Даенина: «*цель* в обретении средства») и некоторые другие. Опираясь на полученные данные, можно провести параллели с другими *социолектами* макроуровня.

Рефлексы южного наречия, к которым относятся не только уже упомянутые, обладающие текстообразующей функцией высказывания на украинском языке и прочие украинизмы (например, *каварья* у С. Соловьева), но и ощущающиеся как сбой ритма, характерные для юга России, но относящиеся к просторечным ударения (например, *намерения*), говорят о наличии в некоторых поэтических идиолектах локально-регионального субстрата, а значит, позволяют выделить и поэтический *региолект*. Первой попыткой действия в этом направлении можно назвать исследование А. Тумольским языка «южнорусской» поэтической школы в русской поэзии 1980–90-х гг. (представленной в том числе и метареалистами А. Парщиковым, И. Кутиком, А. Драгомощенко), который отмечает общую для всех выходцев с юга рефлексивность, сверхплотную предметность словесной ткани, внимание к деталям, созерцательность, орнаментальность, переживание «замедленности времени», воплощающееся в замедлении ритма и удлинении стихотворной строки, экзистенциальное осмысление субъективности как на интеллектуальном уровне, так и на уровне подсознания, богатство, специфичность и терминологичность лексики [Тумольский 2000]. Сегодня Д. Кузьмин в рамках проекта «Новая литературная карта России» ставит задачу «вывести в фокус внимания максимально возможное число региональных

литературных центров»⁶; «представление единым корпусом поэтов одного региона», чтобы определить, «насколько можно говорить о региональных поэтических школах», предлагает и возглавляемый им поэтический журнал «Воздух»⁷. При этом предполагается, что поэтические *региолекты* должны рассматриваться в одном ряду с языками поколений и школ, а также как «интегральная часть» языка мировой поэзии.

Это как нельзя лучше согласуется с утверждением К. Платта относительно того, что в наше время все меньшее значение имеет национальная идентичность, все большее приобретает идентичность индивидуальная и групповая, соотносимая с «транснациональными канонами» [Платт 2010]. Как представляется, сегодня можно говорить о некоем *поэтическом койне*, вырабатываемом в результате контактов определенных групп в рамках одного поколения. Так, определенное сходство с социолектами метареализма, концептуализма и иронической поэзии обнаруживают языковые системы американской «школы языка» и французской «буквальной поэзии» [Северская 2013]. Общие черты языков этих школ социально детерминированы – прежде всего, поколенческим переживанием социально-экономической стагнации, обусловившим главенство тавтологичности как основного конструктивного принципа текста. Общими для русско-американско-французского *поэтического койне* оказываются и тип субъективности («я» и «ты» представлены как прагматические переменные, актуализирующие в совокупности со «здесь» и «сейчас», «там» и «тогда» поэтическое высказывание относительно возможного мира текста), и внимание к метаязыковым и метатекстовым элементам и структурам, и набор ключевых слов (*язык, речь, слово, письмо, текст, рай, молчание, шепот, белизна, нечто* и др.), и философия языка, опирающаяся, в частности, на идеи Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, Р. Барта. Об ощущении самими поэтами их языковой общности говорит обилие взаимных цитат и переводов.

Особо следует сказать о возможности сегодня определить границы того или иного социолекта. С одной стороны, существование литературы в сети делает возможным образование сообществ, которые Г. Рейнгольд предлагает называть «умными толпами», состоящими из людей, способных действовать согласованно, даже не зная друг друга, поскольку каждый человек представляет собой «узел» с социальными связями с другими людьми [Рейнгольд 2006]. С другой стороны, повышается роль социальных сетей, которые предполагают, как это подчеркивает К. Шерки, взаимодействие, не требующее жестких связей внутри структуры, позволяющее пользователям присоединяться к участию в одних проектах и игнорировать другие [Shirky 2008]. Иными

⁶ Об этом можно прочесть на сайте проекта: <http://www.litkarta.ru/about/> (дата обращения: 8.10.2015).

⁷ Это один из главных «содержательных принципов» работы журнала (<http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/about/>; дата обращения: 8.10.2015).

словами, сегодня невозможно точно назвать число носителей социолекта как внутри активно владеющего им писательского сообщества, так и в рамках взаимодействия той или иной литературной группы с сообществом пассивно усваивающих социолект читателей. Однако можно «поймать» в сети свидетельства того, что тот или иной идиолект или социолект является для определенных носителей языка референтным.

Вспомним, что одной из черт группового языка является приверженность определенным речевым шаблонам, к которым Л. П. Крысин относит

[...] отдельные языковые единицы, различные фрагменты высказываний и диалогов, имевших место в прошлом группы (или кого-либо из ее членов), своеобразные формы начал и концовок тех или иных речевых актов, также отражающие коммуникативный опыт данной группы, цитаты – как из литературных произведений, так и из устных высказываний какого-либо члена группы [Крысин 2004: 482],

как правило, используемые шутливо, иронически [Крысин 2004: 482]. Таким образом, интертекстуальный диалог: «Я Шамбалу просек, не найдя и кусочка Шамбалы, / когда в школе еще я хватал ниже трех баллов» и «Концептуал концептуалу / шамбалит что-то про Шамбалу», реплики в котором принадлежат, соответственно, Ю. Арабову и Н. Искренко, или то, что строки Л. Хеджинян из поэмы *The Guard*: «The landscape is a moment of time / that has gotten in position» становятся эпиграфом («Пейзаж – мгновение времени, / дано в точке зрения») к одной из глав *Наблюдения падающего листа...* А. Драгомощенко, расценивается как доказательство принадлежности соответствующих идиолектов к одному поэтическому социолекту. А многократное цитирование поэтических афоризмов И. Жданова («То, что снаружи крест, то внутри окно») и А. Еременко («Какой-то идиот придумал идиомы») пользователями социальных сетей [Северская 2012] говорит об усвоении социолекта поэтического поколения не обязательно соответствующими ему по возрасту читателями.

Литература

- Азарова Н. М., 2010, *Конвергенция философского и поэтического текстов XX–XXI вв.: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук*, Москва: МГПУ.
- Аристов В., 1997, Заметки о «мета», *Арион*, № 4, с. 48–60.
- Бабенко Н. Г., 2008, *Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лингвопоэтической нормы: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук*, Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
- Балли Ш., 2009, *Французская стилистика*, Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Барт Р., 1994, *Избранные работы. Семиотика и поэтика*, Москва: Прогресс-Универс.
- Бахтин М. М., 1975, *Вопросы литературы и эстетики*, Москва: Художественная литература.

- Бурдые П., 2000, Поле литературы, *Новое литературное обозрение*, № 45, с. 22–87.
- Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., 2004, *Социоллингвистика и социология языка*, Москва: Гуманитарная академия.
- Виноградов В. В., 1980, *О языке художественной прозы*, Москва: Наука.
- Винокур Г. О., 1923, Поэтика. Лингвистика. Социология. Методологическая справка, *Левф*, № 1, с. 104–118.
- Гамперц Дж., 1975, Типы языковых обществ [в:] Н. С. Чесноков (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. VII: *Социоллингвистика*, Москва: Прогресс, с. 182–198.
- Григорьев В. П., 1979, *Поэтика слова*, Москва: Наука.
- Григорьев В. П., 1983, *Грамматика идиостиля*, Москва: Наука.
- Григорьев В. П., Северская О. И., 1989, О синтезе философии, поэзии и языка в современном авангарде [в:] *Проблемы поэтического языка*, т. 1, Москва: Издательство МГУ.
- Зоян С. Т., 1989, От описания идиолекта – к грамматике идиостиля: на материале поэзии Л. Мартынова [в:] *Язык русской литературы XX века: Сборник научных трудов*, Москва: Наука.
- Кедров К., 1984, Метаметафора Алексея Парщикова, *Литературная учеба*, № 1, с. 91.
- Кедров К., 1989, *Поэтический космос*, Москва: Советский писатель.
- Крысин Л. П., 2004, *Русское слово, свое и чужое*, Москва: Языки славянской культуры.
- Культурные коды, 2006, Культурные коды, социальные стратегии и литературные сценарии («круглый стол» «Нового литературного обозрения», 4 апреля 2006 года), *Новое литературное обозрение*, № 82, с. 93–121.
- Макдэвид-мл. Р. И., 1975, Диалектные и социальные различия в городском обществе [в:] Н. С. Чесноков (ред.), *Новое в зарубежной лингвистике*, вып. VII: *Социоллингвистика*, Москва: Прогресс, с. 363–381.
- Некрасова Е. А., 1990, Вопросы типологии идиостилей [в:] В. П. Григорьев (ред.), *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Поэтический язык и идиостиль. Общие вопросы. Звуковая организация текста*, Москва: Наука.
- Осипов А. И., 2004, *Элегический модус лирики первого послевоенного поколения: середина 1960-х гг.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Тюмень: Издательство ТГУ.
- Парщиков А., 2006, *Рай медленного огня*, Москва: Новое литературное обозрение.
- Платт К., 2010, Зачем изучать антропологию? Взгляд гуманитария: вместо манифеста, *Новое литературное обозрение*, № 106, с. 13–26.
- Поэзия, 1998, С чем идем в мир? (материалы «круглого стола» альманаха «Поэзия»), *Поэзия*, вып. 50, с. 66–76.
- Прохорова И. Д., 2009, Новая антропология культуры: вступление на правах манифеста, *Новое литературное обозрение*, № 100, с. 9–16.
- Ревзина О. Г., 1998, *Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта: Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук*, Москва: Издательство МГУ.
- Рейнгольд Г., 2006, *Умная толпа: новая социальная революция*, Москва: ФАИР-ПРЕСС.
- Северская О. И., 2007, *Язык поэтической школы. Идиолект, идиостиль, социолект*, Москва: Словари.ру.

- Северская О. И., 2008, Социально-речевой портрет поэтического поколения, *Русский язык за рубежом*, № 3, с. 51–56.
- Северская О. И., 2011, «Интеллектуал интеллектуалу шамбалит что-то про шамбалу...» (На каком языке современная поэзия говорит с интеллигенцией) [в:] С. А. Никольский и др. (ред.), *Проблемы российского самосознания: народ, интеллигенция, власть*, Уфа: РИЦБашГУ, с. 371–379.
- Северская О. И., 2012, Языковая личность в поэзии: творческая индивидуальность vs. коллективное языковое сознание [в:] L. Szypielewicz (red.), *Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet*, Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego.
- Северская О. И., 2013, Язык поэтического поколения: теория и практика (на примере русской, французской и американской поэзии 1980–2000-х гг.) [в:] В. З. Демьянков и др. (ред.), *Языковые параметры современной цивилизации: Сборник трудов первой научной конференции памяти академика РАН Ю. С. Степанова*, Москва: ИЯз РАН, с. 386–402.
- Степанов Ю. С., 1985, *В трехмерном пространстве языка*, Москва: Наука.
- Тумольский А., 2000, Русские европейцы из Украины. Заметки о «южнорусской» школе в поэзии России 80–90-х гг. XX в., *Новое литературное обозрение*, № 46, с. 294–315.
- Тынянов Ю. Н., 1977, *Поэтика. Литература. Кино*, Москва: Наука.
- Чабаненко М. Г., 2007, *Молодежный дискурс как реализация типовой и индивидуальной языковой личности: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук*, Кемерово: Издательство КемГУ.
- Эпштейн М. Н., 1988, *Парадоксы новизны*, Москва: Советский писатель.
- Якобсон Р., 1987, *Работы по поэтике*, Москва: Прогресс.
- Kamińska A., 2007, Kategoria pokolenia we współczesnych badaniach nad społeczeństwem i kulturą: przegląd problematyk, *Kultura i Historia*, nr 11, <http://www.kulturaihistoria.umcs.lublin.pl/archives/113> (дата обращения: 8.11.2012).
- Shirky C., 2008, *Here Comes Everybody. The Power of Organizing without Organizations*, London–New York: Penguin Books.